

Wsiewołod Bogusławskij
Uniwersytet w Charkowie
Wojciech Kamiński
Instytut Filologii Rosyjskiej UAM w Poznaniu

РЕЛИГИОЗНОСТЬ РУССКОГО НАРОДА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Христианский мир вступает во второе тысячелетие. Эта знаменательная дата заставляет обратиться к историческому прошлому с тем, чтобы осознать глубину и силу воздействия христианского вероучения на народы, исповедующие его, с позиций тысячелетнего исторического опыта. Одной из форм реализации влияния христианства на национальное самосознание русских людей является феномен „русский национальный характер” и его отражение в языковой картине мира. Интерес к этому феномену становится особенно осязаемым в моменты слома предшествующих социальных систем, в моменты морального и духовного кризиса, формирования новых и реставрации старых морально-этических ценностей и осознания их как лично значимых. Лишь осознавая себя носителем исторически сложившейся и подтвержденной вековым опытом национальной культуры, человек способен стать полноценным членом демократического общества.

Определяющей чертой названного феномена принято считать православное христианское вероисповедание, оказавшее воздействие на все стороны жизни русского народа, его культуру, психологию и мораль.

Исследование русской фразеологии с позиций антропоцентризма, во взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной историей и культурой позволяет по-новому представить некоторые фрагменты языковой картины мира и феномены национальной культуры. Один из таких фрагментов – религиозные представления русского человека, отраженные во фразеологии.

Русским приписывается религиозно-мистическое мировосприятие как доминантный признак менталитета, определяющий их поведение в сложных и кризисных ситуациях. Анализируя фразеологизмы, соотносимые с религиозными представлениями, с представлениями о мироустройстве, взаимосвязях космического, верховного с земным и реальным, с представлениями о добре и зле в их соотносительности с морально-этическими нормами, мы получаем возможность более объективно установить степень влияния религии на обыденное сознание человека и его поведение.

Религиозные представления охватывают все стороны жизни русского человека, связаны с массой жизненных ситуаций, в которых религиозное начало служит критерием правоты или неправоты. Средства выражения, соотносимые с этими представлениями, многочисленны и аспектно разнообразны, что обусловлено множественностью форм бытия и ситуаций обращения человека к силам добра.

Ядром таких представлений служат языковые образы, отражающие отношение человека к вере, Богу, вероисповеданию, понятию греха, искренности веры и исполнения обряда. На вертикали добро и зло организующей совокупности морально-этических представлений в любой национальной культуре, таким сентенциям принадлежит центральное место. Образы добра и зла, персонажи, воплощающие их и определяющие судьбы людей, их жизнь и смерть, созидание и разрушение, свет и тьму, эмоционально окрашены, ценностно дифференцированы и составляют ядро религиозного мифа.

Объектом нашего анализа послужили единицы идиоматики из сборника В. Даля *Пословицы русского народа*¹, представленные в разделах *Бог – вера*, *Вера – грех*, *Вера – исповедание*, *Изуверство – ханжество*, поскольку именно в них нашли отражения те особенности мировосприятия, о которых было сказано выше.

В разделе *Бог – вера* четко прослеживается вертикаль Бог-человек. Величие и значимости Бога как верховного существа, которому подвластно все в сотворенном им мире, противопоставляется человек как существо, целиком и полностью зависящее от божьей воли. „Кто велий, яко бог наш”. „Велико имя господне на земли”. „В мале бог, и в велике бог”. „Всяческая от творца”. „Не нам, не нам, но имени твоему”. Всевластие божеского промысла и зависимость от него человеческой жизни и судьбы представлено в таких сентенциях: „Бог пути правит”, „Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом”, „Человек предполагает, а бог располагает”, „Все от бога”, „Господь богатит и высит, убежит и смиряет”, „Бог дал, бог и взял”, „Все под богом ходим”, „Господня воля – наша доля”. Вместе с тем в высказываниях подчеркивается и милостивое, по-родительски заботливое отношение Бога к людям как своим детям. „Велик бог милостию”. „Ни отец до детей, как бог до людей”. Особое место среди этих высказываний занимают те, в которых говорится о справедливости, праведности и неотвратимости божьего суда: „Бог виновного найдет”, „Бог всякую неправду същет”.

Важно отметить и то, что во всех ситуациях человеческих взаимоотношений, когда одна из сторон считает себя незаслуженно обиженной, обвиненной, несправедливо наказанной и т.п., т.е. в случаях, когда требуется восстановление попорченной справедливости, русские люди апеллируют к Богу в надежде на восстановление справедливости и наказание обидчика: „Бога ты не боишься!”, „Бога бойся!”, „Бог суди твои костыли” (т.е. лукавство), „Бог тебя суди!”, „Бог тебе судья!”, „Бог его накажи!”. Апелляции к Богу представлены и в выражении, содержащем призыв остановиться в неправедном деле, образумиться, прекратить несправедливые упреки, ложные обвинения, напраслину, а также выражение вынужденного прощения или согласия: „Бог с тобою”.

¹ В.И. Даль, *Пословицы и поговорки русского народа*, Москва 1957, с. 35–45, 51.

Особое место среди пословиц и поговорок занимают такие, которые можно назвать житейскими предписаниями, наставлениями, поучениями на каждый день. Они касаются правил поведения в быту, распорядка дня, выполнения тех или иных житейских дел, поведения за столом. Это своего рода религиозно-нравственный этикет, свод правил, выполнение которых ведет к успеху: „Без бога ни до порога”, „С богом начинай и с господом кончай!”, „Кто перекрестясь работает, тому божья помощь”, „Кто не октясь за стол садится, с тем ест и пьет дьявол”, „Без креста и молитвы не будет ловитвы”, „С молитвой на устах, с работой в руках”, „Не торопись, сперва богу помолись”, „Дело не спорится – углам помолиться”, „Хлеб-соль величай” (т.е. молись после еды).

Это и напоминание о важности регулярного посещения церкви и выполнения религиозных обрядов в быту: „К вечерне колокол – всю работу об угол”, „Первый звон – чертям разгон; другой звон – перекрестись; третий звон – оболочись” (оденься, иди в церковь), „Первый звон – пропадай мой сон; другой звон – земной поклон; третий звон – из дому вон!”, „Что бы ни пригило, все молись”, „Пораньше просыпайся, да за бога хватайся”, „Дома спасайся, а в церковь ходи!”, „Не хлебом живы, молитвою”, „Пенью время, а молитве час”.

В то же время при всей полноте веры во всеисилие Бога, в его помощь и зависимость от него человека в этом разделе встречаются и такие высказывания, в которых подчеркивается необходимость проявлять в житейских делах собственную инициативу, самостоятельность решений, не полагаясь всецело на божий промысел: „На бога надейся, а сам не плошай!”, „Богу молись, а добра-ума держись!”, „Богу молись, а в делах не плошись!”, „Богу молись, а к берегу гребись!”, „Бог богом, а люди людьми”. В высказываниях этого вида находит отражение здравый житейский ум, жизненный опыт и наблюдения, житейский практицизм, их смысл сводится к необходимости проявлять собственную решительность, активность и предприимчивость. Не будучи выражением атеистического отрицания всеисилия власти бога над человеком, эти сентенции утверждают, что веры во всевышнего не всегда достаточно при столкновении с житейскими трудностями и невзгодами, утверждают необходимость проявления самостоятельности и собственного разума при решении трудных дел.

Содержатся в разделе и такие наблюдения, в которых отражены случаи недобросовестности мирян в соблюдении обрядов, неискренности в молитве и вере, нерадивость в соблюдении постов, случаи предпочтительности развлечений и кабака посещению церкви. Эти высказывания, ироничные по своему отношению к подобным случаям, являются в то же время живыми житейскими наблюдениями и фиксациями многосторонности бытия: „Поп сидя обедню служит, а приход (миряне) лежа богу молятся. Одному мигнул, другому кивнул, а третий сам догадается” (о нерадивой молитве), „Знают и чудотворцы, что мы не богомольцы”, „Как надо говеть, так и стало брюхо болеть”, „Научились шить длинные хвосты – позабыли великие посты”, „На дудку есть, а на свечку нет” (т.е. денег), „На балалайку станет, а на свечку не станет”, „Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеконокко, да хожу потихоньку”, „Пойдем в церковь! – Грязно. — Ну так в шинок! — Разве уж под тыном пройти?”, „Поп в колокол, а мы за ковш”.

Заканчивая анализ идиом из этого раздела, следует отметить, что сентенции, представленные в нем, являются универсальными по своей значимости в той части, которая подчеркивает величие божества и зависимость от него человека. Эти утверждения о всеилии божественного промысла и подвластности ему человека встречаются в основополагающих учениях всех религиозных конфессий и являются их фундаментом. Однако в данном разделе отсутствуют сентенции, отражающие духовно-мистические, трансцендентные связи человека с верховными силами космизма и способы постижения и обретения духовно-мистического опыта, сакральные моменты православия. Более всего в нем представлены аспекты, свидетельствующие об обрядовом характере русской религиозности, формальном исполнении церковного ритуала. Наряду с этим следует подчеркнуть, что даже при незнании сакральной стороны православия и преимущественно обрядовом его понимании, оно не было присуще всем людям. Среди них было немало и таких, кто лишь формально соблюдал церковный ритуал, нерадиво относился к вере, а то и предпочитал запретные удовольствия посещению церкви.

В разделе *Вера – грех* представлены высказывания, имеющие важное значение для выявления меры устойчивости морально-нравственных представлений, сформировавшихся под влиянием православия. Вера выступает как гарант праведной и потому общественно одобряемой жизни на этом свете, предпосылкой обретения жизни вечной – конечном итоге праведности земной жизни. Грех же воплощает всякого рода препятствия на пути к обретению жизни вечной, для которой земная жизнь является подготовительным этапом и временем испытаний на преданность вере. Человек же находится под одновременным влиянием, с одной стороны, веры, ведущей его к праведности и бессмертию души, и, с другой стороны, греха, уводящего с истинного пути и подталкивающего к соблазнам, чреватым впоследствии вечными муками ада. Человек, если он не может противопоставить соблазну осознанной и стойкой веры, выступает как жертва греха.

Вера – способ спасения и залог бессмертия души, источник защиты и помощи: „Его ангел-хранитель спас” (или: уберег), „Вера спасает”, „Вера животворит”, „Вера и гору с места сдвинет”.

Грех же выступает в качестве изначально присущей человеку слабости. Человек как бы обречен на прегрешения, грех сопровождает его на всем протяжении жизненного пути. Основное привлекательное свойство греха — его сладость, уводящая человека с истинного пути и делающая его рабом греха. Вера в основном рациональна, она зиждется на осознанности бытия и понимании ответственности человека за свою жизнь и поведение перед богом. Грех же в основном ориентирован на эмоциональную сторону человеческого восприятия, на материально-телесную сторону человеческого существования. Грех сладок и доступен, и в этом его привлекательность. Изначальная греховность человека, его обреченность на прегрешения подчеркивается в сентенциях: „Один бог безгрешен”, „Един бог без греха”, „Нет такого человека, чтобы век без греха прожил”. В других высказываниях грех рассматривается как отклонение от истины, неправда любого рода и отмечается тяжесть греха для человека: „Грех – это неправда, а потому и тяжкое наказание”, „Всякая неправда – грех”, „Грехи тяжки”,

„Тяжело грехи носить”. Тут же указывается на привлекательность греха и соблазна и предупреждается о неминуемости расплаты за них: „Грешному путь вначале широк, да после крут” (или: тесен), „Грехи любезны доводят до бездны”, „Грех сладок, человек падок”, „Грех сладко, человек падко”.

Человек выступает как точка приложения противоборствующих сил добра и зла, света и тьмы. Каждая из них стремится привлечь его на свою сторону. Человеку приходится избирать такой путь, который бы не только защищал его силой праведности, но и помогал устоять перед силами зла, которым, однако, он тоже не должен перечить, чтобы не раздражать их. Это противоборство представлено в высказываниях: „Бог любит праведника, а черт ябедника”, „Бога зови, а черта не гневи!”, „Богу угождай, а черту не перечь”, „Богу свечу, а черту кочергу” (или: ожиг, огарыш), „Ангел помогает, а черт подстрекает”, „Бог дает путь, а дьявол круг”, „Бог путь, а черт крюк”, „Поп свое, черт свое”, „Поп с кадиллом, а черт с рогатиной”, „Я за порог, а черт поперек”, „Господь умудряет слепца, а (или: за пирог) дьявол искушает чернца”. Отмечается и большая способность сил зла влиять на людей и неспособность человека противостоять греху: „Радостен бес, что отпущен инок в лес”, „Силен бес, и горами качает”, „Бес качает горами, не только нами”, „Силен бес и горами качает, а людьми, что вениками, трясет”.

Следует признать, что сентенции о противоборстве добра и зла в их влиянии на человека присущи всем мировым религиям и потому могут рассматриваться как универсальные в различных культурах.

В разделе *Вера – исповедание* выделяется такая черта русского менталитета, как веротерпимость, отсутствие вражды и ненависти к людям других вероисповеданий, пренебрежительного отношения к ним, что существенно отличает православие от других религий, например, от ислама, где уничтожение иноверцев возводится в ранг добродетелей верующего. Эта особенность мировосприятия объясняется прежде всего историей сосуществования русского народа с другими народами, имевшими иную конфессиональную принадлежность, в рамках одного государственного устройства. „Всяк язык бога хвалит”. „Всяк по-своему бога хвалит”. „Бог один, как ни призывай его”. „Все один бог, что у нас, что у них” (у иноверцев). „Все под одним богом ходим, хоть и не в одного веруем”.

Однако при всей веротерпимости перемена веры рассматривается как преступление морально-нравственного порядка, преступление перед совестью: „Веру переменить – не рубашку переодеть”, „Менять веру — менять и совесть”.

В других высказываниях отмечается необходимость не только соблюдения религиозных обрядов и молитвы, но и нравственного поведения, делания добра. Совестьливость выступает как основной признак достойной жизни верующего; отступление от совести делает веру мертвой: „Бог один, да молельщики не одинаковы”, „Без добрых дел – вера мертва (или: нема) перед богом”, „Лихо думаешь – не почто богу молиться”.

Вместе с тем отмечаются случаи разочарования, сомнения в божьей милости и вследствие этого в вере: „Что тому богу молиться, который не милует”.

Данный раздел важен в первую очередь как свидетельство веротерпимости русского народа – черты, исключительно важной в межчеловеческих и международных отношениях.

В разделе *Изуверство – ханжество* представлены различные случаи неискреннего и лицемерного отношения к религии, церкви, соблюдению религиозных обрядов, совмещения показной религиозности с различного рода делами, занятиями, поступками, увлечениями и пристрастиями, несовместимыми с истинной верой.

Показное исполнение обряда при безразличном отношении к вере: „Всяк крестится, не всяк молится”, „Не всяк монах, на ком клобук”. Совмещение обрядовой религиозности с распутством: „Аминь, Аминь – а головой в овин”, „Пойду в монастырь, где много холостых”. Соблюдение внешней обрядности ради пропитания, нищенство, прикрываемое религиозностью: „Не для Иисуса, а ради хлеба куса”, „Хоть долбилком, хоть кадилком, а хлеба (или: деньгу) добыть”, „Иной по две обедни слушает, да по две души кушает”. Использование церковных приношений и пожертвований мирян для личного обогащения или удовлетворения собственного честолюбия: „Со спаса дерет, да на Николу кладет”, „Церковь грабит, да колокольню кроет”, „Не строй семь церквей, пристрой семь детей” (т.е. сирот).

Особое место занимают высказывания, разоблачающие показную религиозность при продажной совести, притворство, ханжество, совмещение внешнего благочиния с воровством, грабительством, хищничеством: „Божница домашня, а совесть продажна”, „Свят муж: только пеленой обтереть да в рай пустить”, „Борода апостольская, а усок дьявольский”, „Искусство – половина святости”, „Уменье — половина спасенья”, „Свят, свят, да не искусен” (т.е. уличился в ханжестве), „Ладан на вороту (т.е. в ладанке), а черт на шее”, „Господи, прости, в чужу клеть пусти; пособи нагрести да и вынести!”, „Помилуй, господи! а за поясом кистень”, „Волк в овечьей шубе” (или: шкуре), „Волк в овчине”, „Волк и в овечьей шкуре не укроется”, „Знать волка и в овечьей шубе” (шкуре).

Представленность в данном разделе многообразия форм проявления ханжества, притворства, лицемерия при внешней благочестивости свидетельствует о распространенности такого отношения к религии, используемой для прикрытия этих форм аморального поведения.

Подводя итог представленности религиозности в сознании русских людей на основе анализа фрагмента языковой картины мира, можно констатировать неоднозначность отношения русского народа к церкви, ее обрядам и соблюдению религиозных заповедей в быту. Во-первых, в этих высказываниях отражены искренность веры во всевластие верховных начал добра, понимание зависимости человеческой жизни от провидения, понимание веры как основы нравственного поведения. Однако тут же отмечается слабость и неустойчивость морально-нравственных религиозных норм в обыденной жизни, неспособность людей противостоять силам зла, склонность к соблазну и грехопадению. Во-вторых, подчеркивается веротерпимость русского народа, признание им права других людей на выбор иных форм религии. В-третьих, фиксируется многообразие проявлений ханжества и лицемерия, использование религиозного прикрытия для совершения неблагоприятных и безнравственных дел. Таким образом, утверждение русских религиозных философов славянофильского направления об исключительной религиозности и поголовной святости русского народа в языковой картине мира не находят подтверждения. Здесь уместно вспомнить и высказывания

В.Г. Белинского и А.И. Герцена, также не соглашавшихся с таким постулатом славянофилов. По словам В.Г. Белинского, такое утверждение ложно: „По-вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать”². Об этом же писал и А.И. Герцен: „Множество пословиц свидетельствует о безразличии русских к религии: »Гром не грянет — мужик не перекрестится«, »На бога надейся, да сам не шлошай«”³. Если отбросить накал полемизма, присущий обоим авторам, то с этими высказываниями нельзя не согласиться. Это подтверждает языковая картина мира.

² В.Г. Белинский, *Письмо к Гоголю*, в: *Полн. собр. соч.*, т. 8, Изд-во АН СССР, с. 566, Москва 1955.

³ А. И. Герцен, *Россия*, в: *Собр. соч.* в 30 т., т. 6, Изд-во АН СССР, Москва 1955, с. 211.